

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лифанов К.В. — К вопросу о дивергенции словацкого и чешского литературных языков на словообразовательном уровне // Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.39311 EDN: MOYLLO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39311

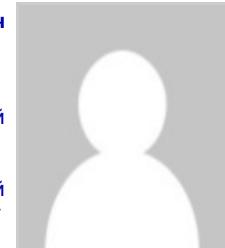
К вопросу о дивергенции словацкого и чешского литературных языков на словообразовательном уровне

Лифанов Константин Васильевич

доктор филологических наук

профессор, кафедра славянской филологии, филологический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51, филологический факультет

✉ lifanov@hotmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.10.39311

EDN:

MOYLLO

Дата направления статьи в редакцию:

04-12-2022

Аннотация: Объектом исследования являются такие лексемы словацкого литературного языка, которые первоначально были аналогичны соответствующим чешским, однако в XX веке претерпели изменения, так как изменились их словообразовательные характеристики. При этом соответствующие чешские слова остались без изменений. Данное явление мы называем асимметричной дивергенцией. Асимметричная дивергенция характеризовала многие части речи: имена существительные, имена прилагательные, наречия, глаголы. Источником материала послужила прежде всего газета "Католицке новини" за 1889-1890 гг., а также некоторые издания начала XX века. В данной статье рассматриваются случаи асимметричной дивергенции, реализовавшейся в небольших замкнутых группах лексики или даже на уровне отдельных лексем. Основным выводом автора является то, что асимметричная дивергенция являлась важным фактором формирования лексического состава словацкого литературного языка и приобретения им специфических особенностей, отдалявших его от чешского. В наибольшей степени она затронула имена

существительные, причем наиболее распространенным средством явилась суффиксация, то есть замена первоначального суффикса, совпадавшего с соответствующим чешским, другим суффиксом. Дивергенция словацкого и чешского литературных языков, как правило, находится вне поля зрения исследователей, рассматривающих прежде всего влияние чешского языка на словацкий. Вместе с тем, именно она была ведущей тенденцией развития словацкого литературного языка в XX веке.

Ключевые слова:

словацкий литературный язык, асимметричная дивергенция, словообразовательный уровень, замкнутая группа, имена существительные, суффиксация, префиксация, другие части речи, замена, упрощение

Ранее проведенный анализ показал, что для чешского и словацкого литературных языков в XX в. была характерна ярко выраженная дивергенция практически на всех языковых уровнях [2], но особенно интенсивно на лексическом и словообразовательном [1]. При этом дивергенция была асимметричной, т. е. изменения дивергентного характера, как правило, характеризовали лишь словацкий язык, тогда как чешский в значительной степени сохранял исходное состояние, первоначально свойственное обоим языкам [6]. Суть ее сводилось к тому, что стремительно менялись или исчезали грамматические формы или словообразовательные модели, которые ранее в течение длительного времени находились в стабильном состоянии. К их числу относятся утрата деепричастий прошедшего времени, кратких страдательных причастий и звательной формы, вытеснение отлагательных прилагательных с суффиксом *-l(y)* соответствующими прилагательными с иными суффиксами, наречий с суффиксом *-e* наречиями с суффиксом *-o*, имен существительных со значением места с суффиксом *-ište* именами с суффиксом *-isko* и др. Однако в действительности дивергенция на словообразовательном уровне принимала самые разнообразные формы, причем могла охватывать малочисленные замкнутые группы слов и даже быть уникальной. Именно подобные изменения и являются объектом изучения в данной статье, что представляется весьма актуальным, так как делает возможным более полное рассмотрение истории развития словацкого литературного языка. Таким образом, целью данной статьи является выявление редких или даже уникальных типов дивергентных явлений.

Подобные изменения в наибольшей степени затронули имя существительное. Прежде всего имела место замена суффикса, аналогичного суффиксу в чешском слове. Приведем соответствующие примеры.

(1) Iným zase znak a *merítko* opravdivej vzdelanosti sú školy [8, c.3]

«Для других же признаком и мерилом реального образования являются школы».

Употребленное в данном предложении существительное *merítko* является аналогом чешского слова *měřítko* “мерило, масштаб”. В современном словацком литературном языке в этом значении употребляется слово *meradlo*, содержащее иной суффикс.

(2) Aj *priateľkyňa* alebo *priateľ*. Ktorí deň i noc, slastť i strasť, trápenie i bolest' s nami delia... [8, c. 217]

«И подруга или друг. Которые день и ночь, радость и горе, муки и боль разделяют с

нами...».

Существительное *priateľkyňa* «подруга» содержит суффикс, являющийся аналогом чешского суффикса, имеющего лишь фонетическое отличие (чешск. *přítelkyně*). Впоследствии он был вытеснен суффиксом -k(a): *priateľka*.

(3) Teraz Vy máte pravdu, rečie náš *starúšek*, utlumiac v sebe rozjatrenú myseľ, a bolo bez svady [\[4, c. 19\]](#)

«Сейчас Вы правы, – говорит наш старишок, подавляя в себе раздражение, и ссоры не произошло».

В зафиксированном слове *starúšek* «старичок» содержится суффикс -úšek, восходящий к чешскому -oušek (*staroušek*) и позже вытесненный суффиксом -ček (*starček*).

(4) Jak dôverne a milo dívajú sa na teba biele domky zo sadov, jak sa ti ľúbí spokojnosť obyvateľov, spev ptáčkov, štebot hravých detí [\[4, c. 81\]](#)

«Как доверительно и мило смотрят на тебя белые домики из садов, как вам нравится удовлетворение жителей, пение птиц, щебетание шаловливых детей».

В слове *domek* «домик» (чешск. *domek*) суффикс -ek также был заменен суффиксом -ček (*domček*).

(5) Z usporených zlatiek či na doktora či na lekárňu míňala sa jedna za druhou, nemocná by bola potrebovala tiež dačo lepšieho zjestť, nuž tak skoro ostala milá modlitebná knižka čistá, jakoby ju bol vymietol [\[4, c. 87\]](#)

«Из накопленных золотых монет тратились одна за другой либо на доктора, либо на аптеку; больной нужно было лучшее питание, и вскоре дорогая молитвенная книжка осталась пустой, как будто ее очистили».

Отметим также замену суффикса -ářňa в слове *lekárňa* «аптека» (чешск. *lekárna*) суффиксом -áreň (*lekáreň*), хотя это явление затрагивает значительную группу существительных. Ранее это явление мы не отмечали.

(6) Jako by si ty, chudobná *pasáčka* (čes. *pasáčka*, súč. slov. *pastierka*), čo si dosiaľ bola, hodnou mohla byť takej milosti! [\[5, c. 30\]](#).

«Как бы ты, бедная пастушка, кем ты была до сих пор, была достойна такой милости!»

Употребленное слово *pasáčka* (чешск. *pasačka*) «пастушка», образованное от глагола *pásť* «пасты», полностью заменяется словом *pastierka*, образованным от существительного *pastier* «пастух». Заметим, однако, что в чешском языке представлено также слово *pastýřka* при сохранении первого.

Имели место и иные типы изменений существительных на уровне словообразования.

(7) Vedľa nej stojí Božena, *vychovateľka* ("воспитательница"; чеш. *vychovatelka*, совр. слов. *vychovávateľka*) [\[5, c. 31\]](#)

«Рядом с ней стоит Божена, воспитательница».

Существительное *vychovateľka* «воспитательница» первоначально, как и в чешском языке (*vychovateľka*), образовывалось от глагола совершенного вида *vychovať*

«воспитать», а затем стало образовываться от глагола несовершенного вида *vychovávať* «воспитывать» (*vychovávateľka*).

(8) Žid vidiac, že je tam čosi podobné štyrkrajciarníku, vzal flašku a nalial žiadnej „tuhšej“ pálenky [\[5, c. 84\]](#)

«Еврей, видя, что там что-то похожее на монету достоинством в четыре крейцера, взял бутылку, но не налил более крепкого алкоголя».

Сложное существительное с числовым значением *štyrkrajciarnik* первоначально образовывалось, как и в чешском языке, от количественного числительного (*čtyřkrajcarník*), которое позже заменило собирательное числительное (*štvorrajciarnik*).

(9) Už sama vari dvadňová cesta do Martina bola nám v peknom letnom čase skvostným pôžitkom... [\[7, c. 46\]](#).

«Уже сама двухдневная поездка в Мартин в погожее летнее время, пожалуй, доставила нам огромное удовольствие...

Аналогичная замена количественного числительного в прилагательном *driadňový* «двухдневный» основой собирательного числительного (*dvojdňový*) усилило контраст с соответствующим прилагательным в чешском языке (*dvoudenní*).

Фонетически близким, но иным по сути является изменение, представленное в следующем примере:

(10) A nie zriedka dostačí puhá táto kresťanská zmužilosť zmariť svevoľu a plány nepriateľov [\[5, c. 26\]](#)

«Нередко достаточно только одного христианского мужества, чтобы противостоять произволу».

Существительное *svevoľa* «произвол», безусловно, восходит к чешскому слову *svévol*e, в котором первый компонент *své* представляет собой форму род. падежа ед. числа притяжательного местоимения *svá* «своя». В словацком же языке это местоимение, в отличие от чешского, имеет нестяженные формы (*svoja*, род. ед. *svojej*), в связи с чем первый компонент был заменен основой местоимения в словацкой огласовке (*svojvôľa*).

Чрезвычайно интересен случай утраты словацким языком нейтрального существительного и превращение в таковое деминутива.

(11) Žijeme v dobe pohnutej, v ktorej veľké búre a prevraty nás očakávajú [\[5, c. 67\]](#)

«Мы живем в неспокойное время, в которое нас ожидают бури и перевороты».

В приведенном примере зафиксировано существительное *búra* «буря, гроза», аналогичное чешскому *bouře*. В современном словацком литературном языке ему соответствует слово *búrka*.

В некоторых словах в словацком языке произошло упрощение группы согласных, приведшее к модификации или полной утрате суффикса.

(12) ...a práve v tejto nedieľnosti viery a poslušnosti, ktorá všetko verí a zachováva [\[5, c. 34\]](#)

... и именно в этой неотделимости веры и послушания, которое во все верит и все

сохраняет».

Зафиксированное существительное *nedieľnosť* «неотделимость» коррелирует с чешским существительным *nedílnost*. В современном словацком литературном языке оно отсутствует, так как его заменило существительное *nedeliteľnosť*, образованное по иной словообразовательной модели.

В качестве инструментов дивергенции на уровне словообразования могли использоваться также префиксы.

(13) Z Nemecka prišla zpráva, že knieža Bismarck, tento železný kancellár, ktorý po tri desaťročia v obore (čes. *obor*, súč. slov. *odbor*) politickom bol mužom v Európe opravdu najmocnejším, vzdal sa všetkých svojich úradov a utiahol sa na odpočinok [5, c. 59]

«Из Германии пришло сообщение, что князь Бисмарк, этот железный канцлер, который в течение трех десятилетий был действительно сильнейшим в Европе в области политики, подал в отставку со всех своих областей и ушел на пенсию».

В существительном *obor* «специальность» (чешск. *obor*) произошло изменение префикса (совр. слов. *odbor*). Вероятно, этому способствовала омонимия со словом *obor* «гигант, великан» (чешск. *obr*).

Нами был зафиксирован случай замены суффикса с одновременным появлением второго префикса, первоначально отсутствовавшего. Ср. примеры:

(14) Jakísi bezbožníci napadli nedávno pohrábný *prôvod*, uchytili kríž s umrlčej truhly a hodili ho do rieky Tiberu [5, c. 154]

«Какие-то безбожники недавно напали на похоронную процессию, забрали крест с гроба покойника и бросили его в реку Тибр».

Rozhovor ten pretrhnul *sprievodčí* vlaku na krátku chvíľu [9, c. 311]

«Этот разговор на короткое время прервал проводник».

Ked' sa Rafael archanjel ponúknul mladému Tobiášovi za *sprievodcu* na cestu do Rages, šedivý otec Tobiáš, prv než by bol pustil syna svojho na cestu s ním, chcel vedeť, čo za človek je ten, čo chce byť *sprievodcom* jeho synovi [10, c. 227]

«Когда архангел Рафаил предложил себя молодому Тобиасу в качестве сопровождающего по дороге в Рагес, седой отец Тобиас, прежде чем отпустить своего сына в путь с ним, захотел узнать, что за человек тот, кто хочет сопровождать его сына».

Зафиксированное слово *prôvod* «процессия, сопровождение», коррелирующее с чешским словом *průvod* и имеющее префикс *prô-/prû-* предполагает в словацком языке XIX в. существование существительного *prôvodčí* (чешск. *průvodčí*) «сопровождающий, проводник, кондуктор». В последнем, однако, сначала заменяется генетически чешский, хотя и словакизированный префикс и появляется второй префикс (*sprievodčí*), а затем заменяется и суффикс (*sprievodca*).

Уникальная дивергенция реализовалась не только в именах существительных, но и в других частях речи.

(15) Flavius prvý podstúpil smrť mučednícku z rozkazu cisára Domitiana, svojho

príbuzného... [\[4, c. 26\]](#).

«Флавий первым принял мученическую смерть по приказу императора Домициана, своего родственника...».

В прилагательном *mučedlnícky* (ст. чешск. *mučedlnický*) [\[3\]](#) «мученический» произошло упрощение в обоих языках, но с различиями: в словацком полностью утратилось сочетание *dl* (*mučenícky*), тогда как в чешском – только согласный *l* (*mučednický*) [\[11\]](#).

(16) Deti obojeho pohlavia nižie 12-ročné majú byť z práce v priemyslových závodoch vylúčené [\[5, c. 67\]](#)

«Детям обоих полов моложе 12 лет должна быть запрещена работа на промышленных предприятиях».

В прилагательном *priemyslový* (чешск. *průmyslový*) «промышленный» был заменен суффикс (совр. слов. *priemyselný*).

(17) Chceš-li, milý kresťane, mať šťastlivý nový rok, maj tie dve nevyhnuteľne potrebné krídla, vieru a pokoj svedomia, a šťastne preletíš nad morom roku nastávajúceho [\[4, c. 2\]](#)

«Если ты хочешь, дорогой христианин, быть счастливым в новом году, имей два совершенно необходимых крыла, веру и спокойствие совести, и ты счастливо перелетишь море наступающего года».

Аналогичный процесс зафиксирован и в прилагательном *nevyhnutelne* (чешск. *nevyhnutelně*, совр. слов. *nevyhnutne*) «неизбежно».

(18) Konečne, čo je už sice vo výšuvedených pádoch *obsažené* (čes. *obsažený*, súč. slov. *obsiahnutý*), že totižto za prízvukovou hláskou na konci slova z dvoch neprízvučných slabík poslednímôže za prízvučnú považovať [\[5, c.. 117\]](#)

«Наконец, и это уже содержится в вышеуказанных пунктах, из двух безударных слогов, следующих за ударным звуком, последний может считаться ударным».

Изменилась модель образования страдательного причастия у глаголов на *-núť* (-*nutť*), так как суффикс *-en-* был заменен суффиксом *-t-*;ср.: *obsažený* (чешск. *obsažený*, совр. слов. *obsiahnutý*) «содержащийся

(19) Jak ďaleko siahala moravo-slovenská država Svatopluka I., tak ďaleko bola tiež cyrillo-metodejská cirkev slovanská *rozprestrená*... [\[4, c. 91\]](#)

«Насколько далеко простиралась моравско-словацкая держава Святополка I, настолько же была распространена кирилло-мефодиевская славянская церковь...»

Подобный же процесс наблюдался и у некоторых других глаголов, например *rozprestrený* (чешск. *rozprostřený*, совр. слов. *rozprestretý*) «распространенный».

(20) ... *uvyklí* sme spätrovať ono znamenie význačné, ktorým katolici od nekatolikov sa rozoznávajú [\[5, c. 34\]](#)

«...мы привыкли замечать то важное знамение, по которому отличают католиков от некатоликов».

В глаголе *uvyknúť* (чешск. *uvyknout*) «привыкнуть» был заменен префикс (совр. слов.

privyknúť, navyknúť).

(21) Avšak raz ti to ešte dovolím, abych tvrdo s tebou *nezachádzala* (čes. *zacházet*, súč. slov. *zaobchádzať*) [\[5, c. 30\]](#)

«Но я еще раз тебе это разрешу, чтобы она не обходилась с тобой сурово».

В глаголе же *zachádzat* (чешск. *zacházet*) «обходитьсья» появился второй префикс (совр. слов. *zaobchádzať*).

Таким образом, дивергенция чешского и словацкого литературных языков на словообразовательном уровне путем отдаления словацкого охватывала не только значительные массивы однотипно образованной лексики, но также проявлялась в небольших замкнутых группах или даже отдельных словах. При этом средства дивергенции были самыми разнообразными, хотя в наибольшей степени данные процессы охватили имена существительные. Способы дивергенции были разнообразными, но наиболее частым была замена или модификация суффиксов. Изучение данной проблематики является важным аспектом уяснения путей формирования лексического состава словацкого литературного языка в XX веке. Его результаты также важны для сопоставительного изучения чешского и словацкого языков на синхронном уровне.

Библиография

1. Лифанов К. В. Вытеснение богемизмов из лексического состава словацкого литературного языка с конца XIX в. // Die Welt der Slaven – Halbjahresschrift für Slavistik, Band 50, Heft 1, 2005. С. 71-82.
2. Лифанов К. В. Асимметричная дивергенция словацкого и чешского литературных языков // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20-27 августа 2018 г. Доклады российской делегации, место издания Институт славяноведения РАН Москва. С. 316-334.
3. Bělič J., Kamiš A., Kučera K. Malý staročeský slovník. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1978 <https://vokabular.ujc.cas.cz/materialy/nlp/Synkova-2017/Synkova-2017-Priloha-A-Formalni-zmeny.pdf> (дата обращения: 14.11.2022)
4. Katolické noviny. Trnava, 1889.
5. Katolické noviny. Trnava, 1890.
6. Lifanov K. Asymetrická divergence spisovnej slovenčiny a spisovnej češtiny na slovotvornej rovine // Slovo a Slovesnosť, r. 78, č. 4, 2017. S. 305-321.
7. Marothý Šoltésová E. Výbor zo spisov, Turčiansky Sv. Martin: Matica slovenská, 1934.
8. Gierlová E. Kvety s kríža. Slovensky podáva Fr. Rich. Osvald, dekan-farár, censor deices, Trnava: Spolok sv. Adalberta (Vojtech), 1910.
9. Svätá rodina. Turč. Sv. Martin, 1914.
10. Svätá rodina. Turč. Sv. Martin 1915.
11. Synková P. Popis staročeské apelativní deklinace (se zřetelem k automatické morfologické analýze textů Staročeské textové banky). Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, 2017. 461 s. <https://vokabular.ujc.cas.cz/informace.aspx?t=synkova-2017-popis-staroceske-apelativni-deklinace&o=aktuality> (дата обращения: 14.11.2022)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Целью рецензируемой статьи является выявление редких / уникальных типов дивергентных явлений в рамках чешского и словацкого литературных языков. Автор останавливается на словообразовательном уровне, ибо он, по мнению исследователя, наиболее полновесно отражает данный процесс. Работа грамотно выстроена, большая часть информации имеет ярко выраженный практический характер. Заметна заинтересованность исследователя в раскрытии вопроса, так как аналитическая составляющая превалирует над собственно эмпирикой. Автор полновесно дают оценку явлению дивергенции, объясняет суть этого процесса. Например, в следующий блоках это фактурно выражено: «Подобные изменения в наибольшей степени затронули имя существительное. Прежде всего имела место замена суффикса, аналогичного суффиксу в чешском слове. Приведем соответствующие примеры. (1) Iným zase znak a merítko opravdivej vzdelanosti sú školy. «Для других же признаком и мерилом реального образования являются школы». Употребленное в данном предложении существительное merítko является аналогом чешского слова měřítko "мерило, масштаб". В современном словацком литературном языке в этом значении употребляется слово meradlo , содержащее иной суффикс. (2) Aj piateľkyňa alebo piateľ. Ktorí deň i noc, slast i strasť, trápenie i bolest s nami delia. «И подруга или друг. Которые день и ночь, радость и горе, муки и боль разделяют с нами...». Существительное piateľkyňa «подруга» содержит суффикс, являющийся аналогом чешского суффикса, имеющего лишь фонетическое отличие (чешск. přítelkyně). Впоследствии он был вытеснен суффиксом -k(a): piateľka. (3) Teraz Vy máte pravdu, rečie náš starúšek , utlumiac v sebe rozjatrenú myseľ, a bolo bez svady. «Сейчас Вы правы, – говорит наш старичок, подавляя в себе раздражение, и ссоры не произошло». В зафиксированном слове starúšek «старичок» содержится суффикс -úšek , восходящий к чешскому -oušek (staroušek) и позже вытесненный суффиксом -ček (starček)» и т.д. Стиль работы соотносится с научным типом, термины и понятия вводятся в текст правильно, с учетом контекста. Наличного объема достаточно для того, чтобы раскрыть тему, цель исследования как таковая достигнута. В finale автор приходит к следующим выводам: «дивергенция чешского и словацкого литературных языков на словообразовательном уровне путем отдаления словацкого охватывала не только значительные массивы однотипно образованной лексики, но также проявлялась в небольших замкнутых группах или даже отдельных словах. При этом средства дивергенции были самыми разнообразными, хотя в наибольшей степени данные процессы охватили имена существительные. Способы дивергенции были разнообразными, но наиболее частым была замена или модификация суффиксов. Изучение данной проблематики является важным аспектом уяснения путей формирования лексического состава словацкого литературного языка в XX веке. Его результаты также важны для сопоставительного изучения чешского и словацкого языков на синхронном уровне». Материал актуален, самостоятелен, интересен; основные требования издания учтены, правка излишня. Статья «К вопросу о дивергенции словацкого и чешского литературных языков на словообразовательном уровне» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».